

Русская диаспора Японии и А.С. Пушкин

Наталья Владимировна ХИСАМУТДИНОВА

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Аннотация. Статья сообщает об отношении к имени А.С. Пушкина эмигрантов из России, проживающих в Японии. В иной культурной среде поэт стал для них символом утраченной родины. Эмигрантские идеологи, в свою очередь, стремясь сплотить русскую диаспору, сделали имя Пушкина знаменем, под которым смогли обрести единство разные группы выходцев из России. В статье использованы материалы русскоязычной прессы в Японии и Китае из коллекций библиотеки Гавайского университета (Гонолулу, США) и Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русский язык и культура, русская диаспора в Японии, русистика в Японии, Дни русской культуры

Для цитирования: Хисамутдинова Н.В. Русская диаспора Японии и А.С. Пушкин // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 40–50. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/40-50>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/40-50>

Russian Diaspora in Japan and A.S. Pushkin

Natalia V. KHISAMUTDINOVA

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Abstract. The article reveals the attitudes towards A.S. Pushkin among the Russians living in Japan. Having found themselves in another cultural environment, they considered the poet a symbol of the lost motherland. Emigre ideologists, in their turn, trying to integrate the Russian diaspora, made Pushkin's name a banner under which different groups of Russian immigrants could interact. The article is based on the materials from the Russian-language press in Japan and China from the collections of the University of Hawaii Library (Honolulu, USA) and the Museum of Russian Culture in San Francisco.

Keywords: A.S. Pushkin, Russian language and culture, Russian diaspora in Japan, Russian studies in Japan, Days of Russian culture

For citation: Khisamutdinova N.V. Russian Diaspora in Japan and A.S. Pushkin // Oriental Institute Journal. 2024. No 1. P. 40–50. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/40-50>

Введение

"Живя за границей, я мог констатировать, что здесь, за рубежом, имя Пушкина окружено далеко не тем сияющим ореолом, каким оно окружено у нас на родине и какого оно достойно. Причиной этому является, главным образом, недостаточная осведомленность иностранного общества о подлинном величии Пушкина, вызванная в свою очередь непреодолимой трудностью передать всю силу и все очарование пушкинской поэзии на иностранном языке", – так писал библиофил С.М. Лифарь, выражая сожаление по поводу слабых переводов пушкинских произведений на другие языки [7, с. 23].

Если иностранцы не отводили А.С. Пушкину ведущего места в русской классической литературе, что подтверждают и другие исследователи [15, с. 13; 22], то для русского эмигранта оно было бесспорным. Сохранение русского языка и культуры в чужой стране для них означало сохранение духовной жизни, и с этим они в первую очередь связывали самоутверждение в условиях эмиграции. В пушкинских строках выходцы из России видели отражение русской души и природы, родного языка и национальной культуры. Вот почему в русских зарубежных диаспорах XX в. имя поэта стало символом утраченной родины.

Особенно наглядно это проявилось в странах Азии, в частности Японии, где в отличие от Европы эмигранты столкнулись с совершенно иной культурной сре-

дой. Приспосабливаясь к новым условиям существования в окружении людей с непонятным языком и чуждыми обычаями, они через Пушкина воссоединялись с Россией, компенсируя тем самым крайне ограниченные контакты с родиной. Анализ повседневной жизни выходцев из России в Японии позволяет проследить за их отношением к творчеству А.С. Пушкина и использованием имени поэта в своих интересах: при обучении японцев русскому языку, воспитании детей, сплочении эмигрантских общин в Японии.

О переводах произведений А.С. Пушкина на иностранные языки и восприятии их в разных странах написано множество книг и статей. Есть среди них и те, в которых сообщается о судьбе книг русского поэта в азиатских странах [2; 5; 8; 9; 14; 15; 17; 18]. Вместе с тем малоисследованными остаются вопросы о значении имени Пушкина для выходцев из России, оказавшихся в Японии, особенно эмигрантов постреволюционной поры (1918–20-е гг.), их вкладе в распространение знаний о поэте за рубежом и издании его произведений на русском языке. Особенно это относится к странам Азии. В лучшем случае в работах упоминается роль россиян как посредников в знакомстве зарубежного читателя с творчеством русского поэта [8, с. 18; 18, с. 128].

Особое отношение русских эмигрантов в Японии к Пушкину имело и другое, куда более важное значение. Именно благодаря им приобрело популярность изучение японцами русского языка, что, в свою очередь, отразилось на восприятии ими русской литературы и улучшении качества переводов на японский язык. Если первые переводы пушкинских произведений в Японии осуществлялись с англоязычных изданий, то после появления в Японии преподавателей из России и развития русистики переводчики стали пользоваться книгами на русском языке.

В основу статьи положены материалы русскоязычной прессы Японии и Китая первой половины XX в., хранящиеся в библиотеке Гавайского университета (Гонолулу, США) и Музее русской культуры в Сан-Франциско (США). За помощь в их использовании автор благодарит русского библиографа Гавайского университета Патрицию Полански и заместителя председателя Музея русской культуры в Сан-Франциско Ива Франкяна. Автор также выражает признательность за содействие при подготовке статьи австралийскому книголюбу Алексею Ивачёву, профессору Кадзухико Саваде (Токио) и уроженке Кобе Ирине (Арине) Долговой.

Исследование и результаты

Ко времени прибытия в Японию постреволюционных эмигрантов из России японцы уже были знакомы с именем А.С. Пушкина. Там уже появились первые переводы его произведений, которые, как считают исследователи, интересовала японцев прежде всего не как русская классика, а как отражение европейского характера, быта и нравов народа незнакомой страны [2, с. 104–105].

Побывал в Японии к этому времени и представитель пушкинской фамилии – лейтенант А.С. Мусин-Пушкин, служивший на фрегате "Диана". После крушения фрегата около японских берегов в январе 1855 г. он участвовал в строительстве шхуны "Хеда" в бухте Симода [10], а затем проявил героизм во время возвращения русских моряков на родину: шла Крымская война, и возле Сахалина их взяли в плен англичане (июнь 1855 г.).

Большую роль в знакомстве японцев с русской литературой сыграл владыка Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин). Будучи настоятелем церкви при русском консульстве в Хакодате (с 1861 г.) и возглавив затем русскую духовную миссию, он придавал особое значение печатному слову. Руководимая им православная миссия в Токио выпустила в свет огромное количество книг. Кроме богословских работ японцы смогли познакомиться и с русской классикой: журналы миссии "Сэйкё симпо" (Православные вести), "Сэйкё Ёва" (Православные беседы), "Уранисике" (Скромность), "Син кай" (Духовное море), "Нива" (Сад), "Нироку симбун" (Круглосуточная газета), "Симэй" (Предназначение) помещали на своих страницах переводы произведений русских писателей и статьи о литературе. Именно в типографии миссии были впервые напечатаны произведения Пушкина и других русских классиков.

Роль владыки Николая как проводника русской культуры в Японии выразилась и в другом. Православная школа, открытая им в Хакодате, духовная семинария и катехизисные училища в Токио стали первыми учебными заведениями, познакомившими японцев с русским языком и русской культурой. Среди их учащихся были и будущие переводчики-русисты: Кониси Масутаро, Сэnuma Каё, Нобори Сёму, Курода Отокити [2, с. 109].

С русской классикой знакомили и в учебных заведениях, где преподавали русские. В Токийском институте иностранных языков, готовившем будущих дипломатов и коммерсантов, профессором литературы был Николай Грей, русский эмигрант, имевший гражданство США. Обладая талантом декламатора, он читал японским студентам отрывки из произведений Пушкина и других русских классиков, а потом просил пересказать или записать услышанное. Программы, разработанные другими преподавателями, также включали в себя заучивание русских классических произведений, постановку спектаклей на их основе. Эта работа принесла плоды: знатоков русского языка в Японии стало больше и переводы произведений Пушкина стали производиться не с англоязычных изданий, как раньше, а с языка оригинала [2, с. 109].

Это продолжилось и после того, как Гражданская война в России выплеснула в азиатские страны тысячи беженцев из Владивостока и других дальневосточных городов. Они предпочитали селиться неподалеку от российской границы, ожидая падения власти большевиков и возможности вернуться на родину. Среди таких приграничных стран была и Япония, имевшая давние тесные связи с российским Дальним Востоком. Наплыв эмигрантов привел к тому, что учебные заведения Японии пополнились русскими педагогами, а изучение русского языка и литературы приобрело новый импульс. В 1920 г., например, русское отделение появилось в университете Васэда (Токио), одном из ведущих в Японии.

С сентября 1924 г. русский язык там преподавала художница Варвара Николаевна Бубнова (1886–1983, Ленинград). Она приехала в Японию в 1922 г. погостить к младшей сестре, которая была замужем за японцем, но задержалась там на 36 лет. Хотя Бубнова не имела никакого опыта в преподавании, она увлеклась новым делом. Как и Н. Грей, она считала, что познавать язык следует на примерах из классической литературы, и разработала собственную систему обучения японских студентов русскому языку, в которой особое внимание уделялось знакомству с творчеством Пушкина. По материнской линии Бубнова принадлежала к старинному роду Вульффов, с представителями которого был дружен поэт, и выделяла его среди других русских классиков.

Любя поэзию, она с большим артистизмом читала на занятиях пушкинские стихи, обучала студентов понимать метафоры и видеть за стихотворной строкой живой образ. "Ее увлечение и любование поэзией были настолько заразительны, – вспоминал один из коллег Бубновой по университету Васэда, – что передавались студентам и доходили до их сердец и умов даже через преграду чужого языка" [4, с. 100]. Результатом 25-летней работы Бубновой в университете стала школа японской русистики, из которой вышли известные переводчики русскоязычной литературы [4, с. 100].

Использовали на занятиях русскую классику и предлагали студентам учить стихи на русском языке, особенно пушкинские, и другие русские педагоги, получившие известность в Японии и оставившие после себя множество благодарных учеников: Д.Н. Рухманов, Р. Унгерн-Штернберг, Вера Ананьина, Марк Разнощиков, Николай Воронцов. Правда, простые японцы не проявляли большого интереса к России, а если он и был, то не шел ни в какое сравнение с трудностями изучения русского языка. Русский язык изучали в основном в военных учебных заведениях: от кадетского корпуса до Высшего Императорского военного училища. Известно, например, что принц Чичибу, брат императора Японии, выучил русский язык в достаточной степени, чтобы узнавать новости из русских газет и читать классическую литературу.

Помимо преподавания В.Н. Бубнова выступала с лекциями, писала статьи о творчестве Пушкина и делала иллюстрации к его произведениям, издававшимся в Японии. Если в первых изданиях "Капитанской дочки" изображения героев носили японские черты, то в рисунках Бубнова они выглядели русскими. Первой ее работой были иллюстрации к "Гробовщику", перевод которого осуществил студент художницы Накаяма Сёдзабуро (1934 г.). Через год Бубнова иллюстрировала переводы на японский язык "Моцарта и Сальери" и "Каменного гостя". Эти графические работы, лаконичные в использовании изобразительных средств, были ёмкими и выразительными. Живя в Японии, художница также подготовила иллюстрации к "Медному всаднику", "Сказке о царе Салтане", "Египетским ночам" и другим пушкинским произведениям [20, с. 29].

Свой вклад в знакомство японцев с творчеством Пушкина внесли и другие художники из России, перебравшиеся в годы военного лихолетья в Японию. Так, здесь оказался Сергей Иванович Щербаков (1894, Харьков –1967, Сан-Франциско), нашедший в японской экзотике мотивы, близкие пушкинской поэзии. Утонченные пейзажи Японии показались художнику созвучными пушкинским сказкам и подтолкнули к созданию ряда работ по их мотивам: "Золотая рыбка и старик", "У Лукоморья дуб зеленый" и др. Они не только украсили книги, но и были напечатаны в виде открыток [20, с. 32-33].

Появление в Японии и Китае эмигрантов из России привело к тому, что произведения Пушкина стали выходить там и на русском языке. Большую лепту в русское книгоиздание внес владивостокский журналист Николай Петрович Матвеев (1865–1941, Кобе). Уроженец японского города Хакодате, он много раз посещал Японию, хорошо знал японскую культуру и имел много друзей среди японцев. С женой и младшими детьми он окончательно переехал в Японию в марте 1919 г. Сначала Матвеев продолжил заниматься журналистикой, а потом переключился на издательское дело [21, с. 150]. В 1921–22 гг. он организовал издательство "Мир", вкладывая в это название не только мечту о прекращении гражданской войны на родине, но и идею о сплочении всех народов Дальнего Востока. До 1925 г. – примерно столько продолжалась издательская деятельность Матвеева – он выпустил несколько словарей, хрестоматию для чтения по русской литературе, сборник стихов А.С. Пушкина. Он считал, что пушкинская поэзия весьма близка японским хайку, и верил, что объединение народов может произойти на почве литературы и искусства.

Занимался Матвеев и распространением литературы на русском языке, предлагая книги как частным лицам, в основном переводчикам и преподавателям, так и организациям: Осакаской школе иностранных языков, учебным заведениям в Токио и Иокогаме, Японо-российской ассоциации, представительству "Нитиро сёдзи" (Японо-российская торговля), библиотектору дальневосточной литературы "Тоёбунко" [19, с. 227]. Благодаря деятельности Матвеева русское книгоиздание и книгораспространение сохранились в Японии и после Второй мировой войны несмотря на то, что русская диаспора к этому времени значительно сократилась.

С именем Пушкина связан феномен русской эмиграции, когда имя поэта стало объединяющим для беженцев из России. Эмигрантские идеологи, задумываясь над проблемой сплочения эмигрантов, выбрали поэта в качестве знамени, под которым россияне из разных социальных слоев и с различными политическими пристрастиями могли бы обрести единство, забыв об идейных разногласиях. Был использован пример русских диаспор в странах Европы, где с 1924 г. проводились Дни русской культуры, приуроченные к дню рождения Пушкина. Вслед за ними этот праздник стали с 1926 г. устраивать и в Японии.

Профессор В.В. Перемилловский, живший в Праге, писал: "И это сугубо Пушкинское празднество – там, в России, и здесь, в русской эмиграции...это будет первый случай, когда обе России будут восторженно славить одного и того же своего поэта! После стольких лет вражды и ненависти настанет день, где те и другие, на один момент, протянут в Пушкине друг другу руки! Пушкин может быть счастлив:

он по-прежнему объединяет собой Русский народ, даже и в эти тягчайшие годы его разъединения" [12, с. 39].

В русских общинах японских городов с большим энтузиазмом восприняли идею ежегодно славить имя Пушкина и охотно разделили лозунги, под которыми проходил праздник: "На Пушкине должно учиться России", "Путь ваш в Россию лежит через Пушкина!" и др. Эмигрантская интеллигенция, обращавшая большое внимание на воспитание подрастающего поколения, быстро поняла, что поклонение Пушкину могло способствовать сохранению русского языка и культуры в чужой стране.

Воспитание детей в русских традициях представляло большую проблему для русских в Японии. Взрослым приходилось работать в поте лица (в основном торгуя вразнос европейскими товарами), и дети чаще всего были предоставлены сами себе. Общаясь с японскими сверстниками, они быстро овладевали японским языком, говоря на родном только с родителями. Русских школ в Японии почти не существовало, и в общинах с первых же лет эмиграции задумывались о собственных школах с преподаванием на русском языке, где дети могли бы усваивать основы русской культуры. "Русские дети в вихре революционных событий временно утратили свою Родину, – писала газета, – но они должны сохранить свою национальность, должны получить национальное воспитание и образование. Мы обязаны помочь им в этом. В этом залог дружбы между японским и русским народами" [3, с. 12].

В Токио хлопоты по созданию школы взял на себя митрополит Сергей (в миру Сергей Алексеевич Тихомиров), руководивший Русской духовной миссией в Японии с февраля 1912 г. Открытая в октябре 1932 г. Русская школа с 22 учениками носила имя А.С. Пушкина. Для мальчиков велись занятия по переплетному делу, с девочками занимались рукоделием. Большое внимание уделялось преподаванию японского языка, в основном письменного. Изучался и английский язык: многим выпускникам предстояло продолжить образование в иностранных школах, и предварительная подготовка была необходима [1, с. 19].

С увеличением числа учащихся школа постепенно стала семиклассной, и к 1936 г. ее преобразовали в Русское национальное высшее начальное училище имени А.С. Пушкина. После того, как Русская православная миссия в Японии представила участок, а русские эмигранты и православные японцы собрали средства, близ кафедрального собора Воскресения Христова (также Свято-Воскресенский собор, Николай-до) началось строительство здания училища. На церемонию освящения 23 февраля 1936 г., несмотря на сильный снегопад, собралось много русских из Токио и Иокогамы. "После официальной части торжества, – писал токийский корреспондент журнала "Рубеж", – родительский комитет предложил собравшимся чашку чая, за которым присутствующие делились радостью – иметь собственное помещение для школы и строили планы дальнейшего содействия токийскому уголку родной национальной культуры" [11, с. 14].

Около семи лет директором Русской школы (училища) был участник Первой мировой и Гражданской войн бывший генерал-майор Павел Петрович Петров. Помимо руководства школой Петров имел должность в Русском общевойсковом союзе в Японии и Обществе русских эмигрантов. Будучи активистом всех Пушкинских праздников, он привлекал к участию в них и учеников.

Ежегодное почитание имени Пушкина возвращало эмигрантов в Россию, воссоздавало в их памяти страницы истории и картины природы, связывало с родными и друзьями, оставшимися на родине. Поэтому и подготовка праздника, и его ежегодное проведение воспринималось с энтузиазмом всеми членами русских общин и стало потребностью. Особенно широко Пушкинские дни прошли в 1937 г., когда русская эмиграция разных стран отмечала столетие со дня смерти поэта. Во всех странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где жили русские, возникали Пушкинские комитеты и организовывались юбилейные мероприятия: торжественные собрания, конференции, лекции, премьеры театральных постановок по

пушкинским сюжетам, праздничные вечера, выставки, издание однодневных газет, произведений Пушкина и книг о его творчестве.

В Китае, где пушкинские торжества проводил Центральный Пушкинский Комитет общественных организаций, 12 февраля 1937 г. на вечере "Пушкин и Россия" в Харбине присутствовали представители всех органов власти, включая японские [18, с. 129]. С размахом юбилейные мероприятия прошли в Калифорнии: их организовал педагог Николай Викторович Борзов. В Корее, где русская община была немногочисленной, юбилейную дату отмечали в дачном поселке "Лукоморье", построенном на побережье Японского моря эмигрантом Юрием Михайловичем Янковским. Эсперантист из Австралии Иннокентий Николаевич Серышев, живший до этого в Японии, посвятил поэту два номера своего журнала "Путь эмигранта" (The Emigrant's Way), органа Объединения русской эмиграции в Австралии: № 16 (октябрь) и № 17 (ноябрь) 1936 г.

В Японии в 1937 г. тоже отмечали столетие со дня смерти поэта. К этим дням было приурочено издание полного собрания сочинений Пушкина в пяти томах, над которым трудились лучшие переводчики Японии. Первый том вышел в свет в день праздника. Был напечатан и сборник лирических стихов Пушкина с иллюстрациями Бубновой: их перевел ее ученик Сусуму Уэда. Литографии этой художницы украсили и другое юбилейное издание, перевод "Пиковой дамы" [4, с. 132].

Вместе с тем организация пушкинских торжеств русской диаспорой Японии была омрачена изменением политической ситуации в стране. Профессор К. Савада пишет: "Это было чрезвычайно трудное время и для русских, проживающих в Японии, и для японских русистов. Сразу после "Дела 26-го февраля" [1936] русским запретили свободно выходить из дому, за ними был установлен постоянный и негласный надзор. Некоторые известные русские были вынуждены получить японское имя и принять японское подданство. Многие японские русисты были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза. Был закрыт один из центров изучения русской культуры в Японии – отделение русской литературы Университета Васэда в Токио. Та же участь постигла и магазин русских книг "Наука" [16, с. 231]. Тем не менее в разных городах Японии, где имелись русские общины: Токио, Иокогаме, Кобе, Осаке, Хакодате, Нагасаки, – пушкинский праздник состоялся, хотя и не такой масштабный, как планировалось.

Пушкинский юбилей в Токио

В Токио организацию юбилейных мероприятий взял не себя митрополит Сергей при поддержке Дмитрия Ивановича Абрикосова, последнего руководителя (1916–25) посольства России в Японии и неформального лидера русской диаспоры. В подготовке торжеств помогали и его бывшие коллеги-дипломаты Николай Иванович Бок, преподававший в Токио русский, немецкий и французский языки, и Павел Георгиевич (Юрьевич) Васкевич, приехавший специально на празднование из Кобе.

Финансовую помощь оказал Владимир Сергеевич Долгов (1898–1955, Токио), игравший в те годы большую роль в русской общине Токио. После участия в Первой мировой и Гражданской войнах он жил сначала в Харбине, а затем в Японии: занимался торговлей, а потом открыл часовую мастерскую. Его друзья писали: "Кропотливо и усердно он наскребал деньги и распространял нуждающимся и обремененным, попросив тех, кто получал помощь, не говорить об этом. Никто за исключением тех, кто получил помощь, не знал о его добром сердце. Они только узнали об этом после его смерти. Он обладал прекрасным характером и доброй улыбкой, которая всегда сверкала на его лице. Владимир Сергеевич был скромным и трудолюбивым на протяжении всей своей жизни" [6, с. 2]. В благотворительности Долгову помогала жена Елена Николаевна Долгова (1900–1981, Токио), известная общественная деятельница в Токио.

10 февраля митрополит Сергей провел торжественную панихиду в Свято-Никольском храме. Имя Пушкина славили и в других крупных православных церквях по всей Японии. На другой день в помещении Христианского союза молодых людей, расположенного недалеко от собора Воскресения Христова, состоялся торже-

ственный вечер памяти поэта. Его открыл директор Русской школы П.П. Петров, а со вступительным словом выступил митрополит Сергей. Владыка очень любил русскую классику и часто использовал ее в своих проповедях. После официального начала вечер продолжился художественной частью. Ученики Русской школы прочитали несколько пушкинских стихотворений, а артисты-любители показали сценки из "Бориса Годунова". В первой, "Келья в Чудовском монастыре", выступили Степан Михайлович Салаяев в роли Пимена и И.Л. Сисикин в роли Григория. Во второй сцене, "У фонтана", играли Анна Дмитриевна Друцкая ("Самозванец") и ее дочь Екатерина Аркадьевна (Китти) Славина ("Марина").

А.Д. Друцкая-Соколинская (в замужестве Розвадовская) училась театральному мастерству в Малом театре в Москве, после чего была драматической актрисой Варшавского Императорского театра. В 1917 г. вместе с двумя дочерьми она приехала в Японию, где создала театральную труппу, которая много гастролировала по всей стране. Она также преподавала в театральной школе кинокомпании "Сётику". Ее дочь Е.А. Славина (в замужестве Браун) в 1920 г. поступила в кинокомпанию "Сётику" и до землетрясения 1923 г. сыграла главные роли в пяти кинофильмах. Она стала и первым в Японии иностранным профессиональным педагогом японских традиционных танцев.

Вторую часть торжеств генерал Петров открыл докладом "Пушкин, Россия и эмиграция", в котором отметил значение пушкинского юбилея для всех выходцев из России. Рассказал он и о том, как отмечают эту дату русские беженцы в других странах, подчеркнув важность пушкинских праздников для подрастающего поколения и сохранения русского языка в эмиграции. Музыкальной частью руководил Павел Михайлович Виноградов (1888–1974, Токио), получивший образование в Московской консерватории. Прибыв в 1916 г. во Владивосток, он организовал музыкальную школу с преподаванием по программе консерватории и редактировал основанный им журнал "Музыка" (1920). В 1921 г., уехав на гастроли в Японию, Виноградов в Россию не вернулся. Он преподавал в Токийском музыкальном училище и Музыкальной академии Мусасино (Musashino Ongaku Daigaku), открытой в 1929 г.

Музыкальная часть была представлена концертной парафразой Павла Пабста на темы из оперы П.И. Чайковского "Евгений Онегин" в исполнении Валентины Васильевны Белоусовой. Пианистка окончила музыкальный техникум в Харбине, где оказалась вместе с родителями в 1923 г., а затем училась у знаменитого музыканта Лео Сироты в Токийской школе музыки, первом в Японии высшем музыкальном учебном заведении, где тот с 1929 г. руководил фортепьянным отделением.

Завершило вечер выступление Георгия Ивановича Черткова, писавшего статьи под псевдонимами "Оргинский" и "ГИЧ". Участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1917–1922 гг. Чертков командовал ротой стрелков в Сибирской флотилии, входил в Сибирское правительство А.В. Сазонова во Владивостоке. Русская диаспора в Японии знала его как общественного деятеля: он был уполномоченным главы русской эмиграции на Дальнем Востоке по городам Токио и Иокогама, членом организации сибиряков-областников. В феврале 1923 г. Чертков организовал в Токио информационное бюро и издавал еженедельные бюллетени с обзором японской прессы по русским вопросам. Он также публиковал статьи в харбинской газете "Заря", журнале "Рубеж" и других изданиях. Его попытка издания ежемесячного журнала "Вестник Азии" оказалась неудачной, и Чертков стал представителем бельгийского концерна "Метал-люнион", поставлявшего в Японию станки и металлы (1937), и английской компании "Котин Продакс Лтд" (с 1937).

В пушкинских мероприятиях в Токио участвовали педагоги Алексей Алексеевич Вановский (1874–1967, Токио) и Гали Григорьевна Подставина (1902–69, Токио). Вановский подпоручиком участвовал в Первой мировой войне, затем служил в Хабаровске. В 1918 г. его демобилизовали по болезни и отправили на лечение в Японию, где он и остался, начав преподавать русский язык и литературу в университете Васэда. Он интересовался философией, религией и японскими литературными памятниками. В научной работе Вановского нашли отражение и пушкин-

ские темы. Так, статью "Зеркало судьбы: Сон Татьяны" он опубликовал в первом сборнике "На Востоке", посвященном вопросам культуры народов Востока (Токио, 1935).

Г.Г. Подставина, дочь известного профессора-корееведа Г.В. Подставина, до отъезда с родителями из Владивостока в Харбин училась на историко-филологическом факультете Государственного дальневосточного университета. В 1923–30 гг. она преподавала русский язык в Харбинской (Деповской) школе, а затем в институте "Харбин-Гакуин" (1930–45). "Я сразу же стала писать учебники для своих уроков, – вспоминала Подставина, – и постепенно выработался объем знаний, необходимый для каждого курса. 10 лет мудрого руководства русским отделением интеллигентного, умного, образованного и очень уважаемого г. Пиовезана сделало то, что о нашем маленьком отделении стали узнавать в Токио и говорить о нем...." [13, с. 5]. Переехав в 1955 г. в Японию, Подставина стала лектором в Институте "София". В качестве примеров русской грамматики и лексики она использовала пушкинские строки, что видно из ее лекций по русскому языку в "Харбин-Гакуин", изданных в Токио (1984. 46 с.). В преддверии юбилея она посвятила несколько занятий разбору произведений А.С. Пушкина.

Торжества русской токийской общины в честь столетия со дня смерти Пушкина имели продолжение: через месяц в Токио был организован Русский кружок любителей литературы и искусства. После этого в течение нескольких лет духовно-культурная жизнь русских эмигрантов в Японии процветала [16, с. 233].

Пушкинский юбилей в Кобе

Другим центром Пушкинского юбилея был Кобе, второй после Токио город с большой русской общиной. Столетие со дня смерти поэта русские эмигранты в Кобе торжественно отметили 10 февраля 1937 г. литературно-вокальным вечером. Если в столице Японии центром общения русских был православный собор Николай-до, то в Кобе они в основном встречались у кого-то дома и только для крупных мероприятий снимали просторное помещение. Для Пушкинского вечера был арендован огромный зал Кай-им-канкан, где собрались не только русские, но и другие иностранные жители города. Не остались в стороне и японцы-любители творчества знаменитого поэта [23, с. 16].

Большой доклад о жизни и творчестве великого русского поэта сделал Андрей Лукич Ломаев (? – 1945, Кобе), первый председатель Русского эмигрантского общества в Кобе, созданного в 1930 г. Он преподавал в Институте иностранных языков в Осаке, но русским был больше известен как основатель и директор начальной школы в Кобе. В ее подготовительном и первых четырех классах учились десять детей при трех преподавателях. Занятия велись по программе реальных училищ в послеобеденное время, так как утренние часы все учащиеся проводили в иностранных школах.

Свое стихотворное "Слово о Пушкине" прочитал Н.П. Матвеев, а с заключительным словом выступил А.Д. Устинович. Собравшиеся тепло приняли участников концертного отделения. "Лавры, – как сообщал русскоязычный журнал, – достались М.Н. Кривушиной (декламация), артистке оперетты О. Карасуловой, врачу Томашичу (скрипка). Выступил хор под управлением К.А. Андреева и Вячеслава Адольфович Соколовский (рояль). Очень понравились публике две сцены из пушкинского произведения – "Келья в Чудовом монастыре" и "В корчме", в которых особенный успех выпал на долю Загорской, Баранцева и Пищальникова" [23, с. 17].

Ольга Петровна Карасулова, окончив Московскую консерваторию по классу рояля, училась пению в Париже, а затем выступала в Одессе и Киеве. В Японии она оказалась после гастролей в Харбине (1925). Поселившись в Кобе, она открыла оперную студию в соседнем городке Такарадзука, известном своим театром, и много гастролеровала, выступая с концертами в Японии и Китае.

Хоровая студия русской общины Кобе, основанная в 1936 г., была самой молодой из всех участников вечера. Инициатором ее создания был приглашенный из Харбина регент Успенно-Богородицкой церкви Константин Антонович Андреев. Ему удалось организовать любительский хор из местных эмигрантов, и выступле-

ние на вечере памяти А.С. Пушкина было дебютом хористов перед большой аудиторией.

По-разному сложились судьбы участников исторического Пушкинского юбилея. В 1940 г. в Японии вступил в силу "Закон о религиозных организациях", и митрополит Сергей вынужденно сложил с себя обязанности главы Японской православной церкви, а в 1941 г. совсем покинул ее. Бывший дипломат Д.И. Абрикосов сначала уехал к своему коллеге П.Г. Васкевичу в Кобе, а после окончания Второй мировой войны перебрался в Калифорнию, где писал мемуары, вышедшие в свет уже после его смерти в 1951 г.

Е.А. Славина в 1940 г. вместе с мужем поехала в Сан-Франциско, чтобы выступить с танцами на Международной выставке в Голденгейт (Golden Gate), но началась Тихоокеанская война, и она осталась в Америке. Проведя несколько удачных спектаклей с демонстрацией танцев стран Дальнего Востока, она пыталась организовать в Лос-Анджелесе русский театр.

Г.И. Чертков после Японии жил в Китае (1940–49) и работал аудитором департамента финансов в муниципалитете Шанхая. В 1950 г. он уехал в Бразилию, а в 1951 г. эмигрировал в США, где и скончался в 1983 г. в Глен-Кове, штат Нью-Йорк. В Америке окончилась жизнь и ряда других активистов русской диаспоры Японии: Н.И. Бока (1962, Нью-Джерси), П.П. Петрова (1967, Сан-Франциско), артиста-любителя С.М. Саляева (1964, Сан-Франциско). Кто-то, как пианистка В.В. Белоусова, репатриировались в СССР.

Заключение

Анализ жизни русских людей в Японии в первой половине XX в. приводит к выводу о большом значении для них имени А.С. Пушкина. Почитая поэта как первого среди классиков русской словесности, россияне издавна использовали его произведения для знакомства японцев с русской литературой и обучения их русскому языку. Вместе с тем с окончанием Гражданской войны и появлением в Японии русских беженцев произошла некоторая трансформация отношения к имени А.С. Пушкина. Эмигранты стали считать поэта символом утраченной родины, находя в его произведениях отражение русской души, родного языка и культуры, с чем они в первую очередь связывали сохранение духовной жизни и самоутверждение в условиях эмиграции.

Этим воспользовались эмигрантские идеологи: стремясь сплотить эмигрантов, разобщенных по политическим взглядам и идейным пристрастиям, они сделали имя поэта знаменем, под которым смогли обрести единство разные группы выходцев из России. Ежегодные Дни русской культуры под именем Пушкина, проводимые в Японии вслед за Европой с 1926 г., и торжества по поводу юбилейных дат, связанных с именем поэта, объединяли членов русской диаспоры, позволяя им чувствовать себя представителями единой культуры. Особенно показательными в этом отношении были торжества 1937 г. по поводу столетия смерти Пушкина. Интеллигенция видела в этих праздниках способ воспитания детей, которые в чужой стране легко поддавались ассимиляции, утрачивая при тесном общении с японскими сверстниками русский язык и культурные традиции.

С другой стороны, на протяжении всего периода пребывания русских в Японии они способствовали популяризации произведений А.С. Пушкина и других классиков русской литературы. Благодаря преподавателям русского языка в Японии получила развитие русистика, что, в свою очередь, привело к росту интереса японцев к русской словесности и улучшению качества переводов русской классики. Учащиеся русских школ и студенты-русисты знакомили японцев с творчеством Пушкина и других авторов, используя их произведения для своих постановок. Свой вклад в распространение знаний о поэте и издание его произведений в Японии внесли также эмигранты-художники, издатели и распространители русской литературы.

Литература

1. Аргус. Русская школа в Токио // Рубеж. 1932. № 50 (10 дек.). С. 19, ил., портр.
2. Бреславец Т. И. А. С. Пушкин и японская классика // Известия Восточного Института. Владивосток, 2004. № 8. С. 103–110.
3. Деятельность русских эмигрантских объединений в Японии // Синтоа Цусин. Токио, 1930. 13 апр. С. 11–12.
4. Кожевникова И. П. Варвара Бубнова – русский художник в Японии. М.: Наука, 1984. 224 с.: ил.
5. Кондрашева Е. Азиатский путь русского гения, или Слово о Пушкине // Мой университет. 2012. № 3 (10). С. 20–24. URL: <http://muniver.khstu.ru/obrazovanie-xxi-veka/2012/08/22/aziatskij-putrusk-ogopeniya-ili-slovo-o-pushkine/> (дата обращения: 16.04.2023).
6. Курбский И. Б.н. // Жизнь и Дальний Восток. Токио, 1956. 15 апр. С. 2.
7. Лифарь С. М. Моя зарубежная пушкиниана. Пушкинские выставки и издания. Париж: [б. и.], 1966. 187, [2] с.: ил.
8. Лю Янькунь. Функционирование творчества А.С. Пушкина в Китае. Автореф. дисс. ...канд. филолог. наук. Пермь, 2019. 22 с.
9. Мамонов А. С. Пушкин в Японии. М.: Наука, 1984. 328 с.
10. Мусин-Пушкин А. Еще замечания о построении шхуны "Хеда" // Морской сборник. 1856. № 6. С. 6–7.
11. Оргинский Г. [Чертков Г. И.] Русские в Токио – со своей школой // Рубеж. 1936. 28 марта. С. 14.
12. Перемиловский В. Беседы о русской литературе. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Л. Толстой. Прага: Изд. "Рус.-Маньчжур. Книготорговли" в Харбине, 1934. 239 с.
13. Подставина Г. Мой педагогический путь: [рукопись]. Б.г., б.м. 6 с.
14. Пушкин в странах зарубежного Востока: Сб. статей. М.: Наука, 1979. 231 с.
15. Рехо К. Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 354 с.
16. Савада К. 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина в Токио – Из истории русской эмиграции в Японии // Савада К. Исследования истории русско-японских отношений и новые материалы к ним (середина XIX – середина XX веков). Сайтама, Япония, 2007. Вып. 2 (май). 238 с.
17. Садокова А. Р. У истоков русско-японских литературных связей // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, ноябрь 2018). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 4–7. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/313/14564> (дата обращения: 16.07.2023).
18. Семенова Т. А. А. С. Пушкин как символ потерянной России: Память о поэте в среде российских эмигрантов в Харбине // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3. С. 127–130.
19. Синьити Хияма, Моргун З.Ф. Жизнь Н.П. Матвеева в эмиграции в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного гос. ун-та. Владивосток, 1997. № 5. С. 213–231.
20. Хисамудинов А. А. Русские художники в Японии // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 28–35.
21. Хисамудинов А. А. Писатель, журналист и издатель Николай Матвеев в России и Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 145–156.
22. Чельшев Е. П. Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода // Пространство и Время: альманах. Электр. научное издание. Т. 10. Вып. 1. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-postizheniya-smyslov-pushkinskogo-teksta-problemy-yazyka-ponimaniya-i-kultury-perevoda> (дата обращения: 12.01.2023).
23. Шляпин А. Русский пушкинский вечер в Кобе // Рубеж. 1937. № 10 (6 марта). С. 16–17.

References

1. Argus. Russian school in Tokyo // Rubezh, 1932. No. 50 (10 Dec.). P. 19, il., portr. (In Russ.).
2. Breslavets T. I. A.S. Pushkin and Japanese classic literature // Oriental Institute Journal. 2004. No. 8. P. 103–110. (In Russ.)
3. Activity of Russian emigrants' organisations in Japan // Sintoa Cusin. Tokyo. 1930, 13 April. P. 11–12. (In Russ.).
4. Kozhevnikova I. P. Varvara Bubnova as the Russian artist in Japan. Moscow: Nauka, 1984. 224 p.: il. (In Russ.).
5. Kondrasheva E. The Russian genius's way in Asia, or The word about Pushkin // My university. 2012. No. 3 (10). P. 20–24. URL: <http://muniver.khstu.ru/obrazovanie-xxi-veka/2012/08/22/aziatskij-putrusk-ogopeniya-ili-slovo-o-pushkine/> (accessed 16.04.2023). (In Russ.)
6. Kurbskij I. B.n. ZHizn' i Dal'nij Vostok (Life and the Far East). Tokio, 1956, 15 Apr., p. 2. (In Russ.).
7. Lifar' S. M. My Pushkin studies abroad. Pushkin's exhibitions and editions. Paris, 1966. 187, [2] p.: il. (In Russ.).
8. Lyu YAn'kun'. A. S. Pushkin's works in China. Avtoref. diss. ...kand. philolog. science. Perm', 2019. 22 p. (In Russ.).

9. Mamonov A. S. Pushkin in Japan. Moskva: Nauka, 1984. 328 p. (in Russ.).
10. Musin-Pushkin, A. Some notes about "Heda" construction. Morskoj sbornik. 1856. No. 6. Mixture. P. 6–7. (In Russ.).
11. Orginskij G. [Chertkov G. I.] The Russians in Tokyo have their own school. Rubezh. 1936. 28 March. P. 14. (In Russ.).
12. Peremilovskij V. Lectures on Russian literature. Pushkin, Lermontov, Gogol', Turgenev, Goncharov, L. Tolstoj. Praga: "Russo-Man'chzhur. Knigotorgovlia" v Harbin, 1934. 239 p. (In Russ.).
13. Podstavina G. My way in teaching [manuscript]. No date. 6 p. (in Russ.).
14. Pushkin in the foreign East: Collection of articles. Moskva: Nauka. 1979, 231 p. (In Russ.).
15. Rekho K. Russian classics and Japanese literature. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1987. 354 p. (In Russ.).
16. Savada K. The centenary of Pushkin's death in Tokyo. The history of Russian emigration to Japan // Savada K. Research on the history of Russo-Japanese relations and new materials (middle XIX – middle XX centuries). Sajtama, Japan, 2007. Vol. 2 (May). 238 p. (In Russ.).
17. Sadokova A. The beginning of Russo-Japanese connections in literature. Philology and linguistic problems and perspectives: materials of the 3d International conference (Saint-Petersburg, Nov. 2018). Saint-Petersburg: Svoje izdatel'stvo, 2018. P. 4–7. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/313/14564> (accessed 16.07.2023). (In Russ.).
18. Semenova T. A. Pushkin as a symbol of lost Russia. Remembering the poet by Russian emigrants in Kharbin // Individual in the world of culture. 2017. No. 2–3. P. 127–130. (In Russ.).
19. Sin'iti Hiyama, Morgun 3. F. N. P. Matveev's life in Japanese emigration // Oriental Institute Journal. 1997. No. 5. P. 213–231. (In Russ.).
20. Khisamutdinov A. A. Russian artists in Japan // Visual art in Ural, Sibiria and the Far East. 2020. No. 3. P. 28–35. (In Russ.).
21. Khisamutdinov A. A. Writer, journalist and publisher Nikolaj Matveev in Russia and Japan // Far Eastern Studies. 2016. No. 3. P. 145–156. (In Russ.).
22. Chelyshev E. P. The history of understanding Pushkin's texts. Space and time: electronic almanac. Vol. 10. Iss. 1. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-postizheniya-smyslov-pushkinskogo-teksta-problemy-yazyka-ponimaniya-i-kultury-perevoda> (accessed 12.01.2023) (In Russ.).
23. Shlyapin A. Russin Pushkinn's meeting in Kobe // Rubezh. 1937. No. 10 (6 March). P. 16–17. (In Russ.).

Наталья Владимировна ХИСАМУТДИНОВА, д-р ист. наук, профессор Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: Natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Natalia V. KHISAMUTDINOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Pedagogy and Linguistics, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 02.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024